

УЧУ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Труды, выпуск 90

УС (С145)
К АЧЗ

а.а.с.с.и.и.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ЧУВАШСКОГО
ИСКУССТВА

Чебоксары — 1979

О ЧУВАШСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

The last hundred years of Chuvash folk-music collection may be regarded as outstanding, in dimensions and importance, in relation to the Soviet Union as a whole, irrespective of the size of the Chuvash population. For quantity of material and number of publications, the collection ranks high above the average*.

Музыкальная фольклористика (или этномузыковедение) как научная дисциплина родилась не более ста лет тому назад на стыке музыковедения и этнографии. Можно различить три важнейшие сферы работы музыкантов-фольклористов. Это, во-первых, полевые записи, т. е. собирание и первичная обработка (расшифровка) экспедиционных материалов, что является фундаментом всего здания науки. Во-вторых, классификация на эмпирическом уровне (т. е. исходя из структуры и особенностей самих материалов) и публикация, т. е. обнародование наиболее ценной части этих материалов с целью введения их в научную и творческую практику музыковедов и композиторов. Третьей сферой работы музыкантов-фольклористов является многостороннее теоретическое изучение народной музыкальной культуры в свете истории и культуры данного народа, а также с точки зрения общей теории музыки и, отчасти, поэтики¹.

Названные сферы работы представляют собой разные уровни единой науки — от эмпирического процесса собирания до высших логических обобщений. Все они одинаково важны и тесно взаимосвязаны: без собирания и публикации невозможны обобщения; без теоретического изучения трудно планировать собирание, неразрешимыми остаются многие вопросы классификации и формы записываемых материалов. Только теоретическое осмысление явлений народной музыкальной культуры дает воз-

* «Последние сто лет собирания чувашской народной музыки могут рассматриваться как выдающиеся по масштабам и важности в отношении ко всему Советскому Союзу, безотносительно к количеству чувашского населения. По объему материала и числу публикаций собранное находится выше среднего уровня». — Chuvash folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki. Budapest, 1979, p. 21.

¹ Некоторые исследователи считают, что вообще «комплексное изучение народной песни, в которой неразрывно связаны текст и напев, выходит за пределы филологии и становится делом музыковедения, точнее, музыкальной фольклористики». — Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М., 1977, с. 29.

возможность разомкнуть пределы узко специального исследования и прийти к синтезу знаний на новом, более высоком уровне.

Таково «вертикальное», если можно так выразиться, синхроническое членение современной музыкальной фольклористики, в свете которого надо рассматривать и развитие этномузыковедения Чувашии.

Чувашская музыкальная фольклористика существует с конца XIX века. Разумеется, с самого начала все эти направления работы не могли быть осознаны, так как тогда само этномузыковедение еще только формировалось. Тем не менее есть смысл условно разделять их, поскольку в разные периоды то одно, то другое из направлений развивалось интенсивнее остальных.

История чувашской музыкальной фольклористики складывается из нескольких этапов, если рассматривать ее в «горизонтальном» диахроническом разрезе. Музыка чувашей попала в поле зрения ученых еще в XVIII веке. Во второй половине следующего столетия появляются первые музыкальные публикации. Начальный этап собирания музыкального фольклора можно с достаточной степенью точности определить как «этнографический», поскольку музыка и поэзия интересовали именно ученых-этнографов и лишь наряду с другими проявлениями духовной и материальной культуры народа.

К концу XIX в. в собирательскую работу включаются учителя сельских школ. Их активное участие дало основание С. М. Максиму разделить дооктябрьскую чувашскую музыкальную фольклористику на два этапа, второй из которых «обнимает время с середины 80-х годов прошлого столетия до 1917 г.»². Деятельность учителей направлялась и организовывалась учеными-чувашеоведами Н. В. Никольским и Н. И. Ашмаринным, а также крупным деятелем чувашского просвещения И. Я. Яковлевым. Таким образом, «учительский» период сливается с «этнографическим», и оба они качественно отличаются от последующих этапов.

Описывая музыкальный быт и фиксируя произведения народного творчества, этнографы имели целью дать лишь общую характеристику культуры народа. Позднее жизнь ставит задачу музыкального воспитания и просвещения. И исследователи, и учителя не углублялись в теоретические или художественно-эстетические вопросы чувашской музыки. Обобщая достижения этого этапа, этнограф Н. В. Никольский пятьдесят лет тому назад утверждал, что «из всех отделов этнографии чуваш наиболее посчастливилось отделу о песенном и музыкальном творчестве... Исключая Лепехина, Протопопова и Смоленского, у остальных... авторов мы встречаем либо песенный, либо песенный и музыкальный материалы. Во всяком случае, песен-

² Максимов С. М. Чувашские народные песни. М., 1964, с. 14.

ное и музыкальное творчество чуваш изучено достаточно полно и научно»³.

Но музыканты, естественно, думали иначе. С их деятельностью было связано начало второго этапа собирательской работы в Чувашии. Он охватывает примерно 10-е — 30-е гг. Активные собиратели музыкального фольклора (это прежде всего композиторы С. Максимов, В. Воробьев, Ф. Павлов, Г. Лисков, В. Кривonosов, Г. Хирбю, а также учителя и музыканты разных специальностей М. Ильин, И. Салтыков, А. Васильев и др.) во главу угла ставили задачу создания основы для развития чувашской профессиональной музыки. Их работа была исключительно интенсивной: в общей сложности в этот период было записано не менее четырех тысяч напевов*. Как по целям собирания, так и по доле участия в нем композиторов, данный этап заслуживает названия «композиторского».

После перерыва, в большой мере связанного с Великой Отечественной войной, положение дел в чувашской музыкальной фольклористике меняется. В 50-е гг. и начале 60-х музыкально-фольклорные фонды пополнились материалами самостоятельных собирателей (М. Александров, Н. Андреев, К. Архипов, Ф. Вуколов, А. Лисков, А. Петров и др.). Качество нотных записей непрофессиональных фольклористов, не использовавших магнитофоны, в целом было невысоким. Но и их материалы весьма ценны для сравнительного изучения музыкального творчества различных районов. Профессиональные музыканты в послевоенные десятилетия мало уделяли внимания фольклорной работе. По несколько десятков песен записали композиторы М. Алексеев, А. Асламас, Ф. Лукин, А. Петров (последний расшифровал свыше двухсот магнитофонных записей, сделанных другими). Свыше ста собственных записей сделал только композитор Ф. Васильев и до четырехсот — музыковед Ю. Илюхин.

В настоящее время идет третий этап собирательской работы. Он начался тогда, когда организацию музыкально-фольклорных экспедиций взял на себя Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ). Почти ежегодно проводятся комплексные и фольклорные экспедиции. Начиная с 1961 г. произведения устного народного творчества во время их исполнения фиксируются на магнитофонных лентах. Такая форма работы позволяет ежегодно пополнять архив института в среднем дву-

³ Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш, вып. 1. Чебоксары, 1929, с. 13. Перечень и обзор этнографической литературы см. в работе Ф. П. Павлова «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество». — В кн.: Павлов Ф. П. Собрание сочинений в 2-х т., т. 2. Чебоксары, 1971, с. 210—241.

* В том числе свыше восьмисот — В. П. Воробьевым. Кроме того, С. М. Максимов записал около 2000 мелодий, но большая часть его рукописей до сих пор не приобретена Научным архивом ЧНИИ.

мястами записями. В экспедициях систематически стали участвовать музыковеды. Весьма значительный вклад в собирательскую работу принадлежит филологу Е. Сидоровой, в течение многих лет регулярно выезжающей в экспедиции. Копии своих записей чувашских народных песен оставили в архиве ЧНИИ также венгерские фольклористы Л. Викар и Г. Беречки, неоднократно приезжавшие в Чувашию (в 1964, 1966, 1968 гг.).

Современный этап собирательской работы фольклористов имеет качественные отличия от предыдущих. Здесь следует отметить, во-первых, планомерность и систематичность полевых экспедиций ЧНИИ. Собирательская практика теперь направляется и корректируется планами изданий и исследований народной музыки. Составлена карта, отражающая степень изученности чувашского фольклора в разных районах⁴. Вплоть до 1977 г. фольклорные экспедиции преимущественно изучали «белые пятна» на территории расселения низовых чувашей. В 1977 и 1978 гг. согласно плану были осуществлены экспедиции в средненизовые районы, и в этом направлении работа будет продолжаться не менее трех-пяти лет. Она должна завершиться подготовкой к изданию соответствующего сборника. Впоследствии так же будет изучаться фольклор верховых чувашей.

Второй особенностью современного этапа является широкое применение магнитофонной техники. Она позволяет достичь качественно новых результатов при изучении произведений устного народного творчества. Весь этот этап развития чувашской музыкальной фольклористики, научный, с точки зрения своего содержания и целей, по форме собирательской работы условно может быть назван «магнитофонным». Применение звукозаписи заметно снижает барьер субъективности при записи народной мелодии, дает возможность контролировать качество нотаций. Оно приводит к своеобразному разделению труда фольклористов: теперь возможна раздельная работа, когда одни специалисты записывают, другие расшифровывают и нотируют мелодии, третьи используют готовый материал для теоретического анализа. Это, безусловно, прогрессивное явление, облегчающее и упрощающее процесс освоения материала в больших масштабах*. Но оно породило в 60-е гг. и начале 70-х проблему расшифровки-нотирования все увеличивающегося числа магнитофонных записей — материалы лежали нерасшифрованными по десять и более лет. На сегодня в основном эта проблема разрешена, почти все полевые материалы 60-х гг. и большинство материалов 70-х гг. обработаны. В общей сложности в последние несколько лет фонды Научного архива ЧНИИ увеличились примерно на полторы тысячи новых нотных расшифровок. Одновре-

⁴ НА ЧНИИ, кн. пост. 7, инв. № 3604.

* Тем не менее остается бесспорной истина, что глубоко познать внутренний мир народной песни невозможно, не обладая собственным опытом собирания и обработки полевых материалов.

менно были изготовлены рабочие копии с полевых магнитофонных записей. Это увеличивает возможности всестороннего знакомства с фольклорными фондами для посетителей архива. В перспективе стоит вопрос о каталогизации и детальной систематизации всего рукописного музыкально-фольклорного фонда.

Вместе с тем очевидно, что обрисованная картина собирательской работы, при всей ее оптимистичности, не идеальна. Прежде всего, слишком мало специалистов, регулярно выезжающих в экспедиции. Нет контакта с Чувашским государственным университетом и Чувашским государственным педагогическим институтом, также организующими экспедиции — для студентов. Абсолютно не используются средства и возможности Чувашского республиканского отделения ВООПИК, хотя в свои отчеты оно включает и работу фольклористов — членов секции музыкального фольклора этого общества. В 30-е гг. учащиеся музыкального училища получали (и выполняли) задания по записи народных песен. Сейчас же такая форма воспитания будущих музыкантов полностью выпала из поля зрения их преподавателей. Из-за отсутствия специалистов и недостаточной технической оснащенности экспедиций до сих пор не осуществлены многоканальные записи коллективного исполнения народных песен. Нельзя сбросить со счетов и то обстоятельство, что состояние фольклора в современной чувашской деревне 70—80-х гг. не тождественно картине, скажем, 20—30-х гг. (тем более — XIX века). Исчезает социальная основа бытования многих жанров, некоторые виды песен и народных инструментов уже прочно забыты, хотя в отдельных местностях они могут пока сохраняться. Так произошло, например, с песнями весеннего земледельческого обряда *уяв*, ныне встречающегося только в некоторых чувашских селах Закамья. Из этого ясно, что самые совершенные и современные материалы нынешнего этапа не могут полностью заменить записей предыдущих этапов, пусть иногда и ущербных с технической стороны.

Существует также проблема собирания материала для изучения народных музыкальных инструментов и народной хореографии. В первой области систематически не работает никто*. Собираaniem хореографических материалов занимаются только практики-балетмейстеры — З. Григорьев, А. Ангаров.

* * *

Публикация материалов, собираемых фольклористами в Чувашии, в общем соответствовала интенсивности собиратель-

* Неопубликованная статья В. М. Кривоносова «Краткое описание народных музыкальных инструментов и заметки об инструментальной музыке чувашей, населяющих Чувашскую АССР» (хранится в Кабинете народной музыки Московской государственной консерватории) до сих пор остается единственной специальной работой о чувашских народных музыкальных инструментах.

ской работы, хотя не всегда. Из публикаций «этнографического» этапа наибольшую значимость имеют сборник В. Мошкова⁵ и два выпуска Симбирской чувашской учительской школы⁶. Эти издания имели недостатки со стороны техники нотирования мелодий; а сборник Мошкова имел также изъяны потому, что автор не владел чувашским языком.

На втором, «композиторском», этапе появились сборники С. М. Максимова⁷. Они были подготовлены на высоком профессиональном уровне и поныне полностью сохраняют свое значение (без скидок на неточности нотации, оформления стихотворных текстов и т. п.). К сожалению, эти издания стали библиографической редкостью, и найти их можно далеко не в каждой крупной библиотеке. С. М. Максимов плодотворно трудился до 1937 года. После него вплоть до 60-х гг. в деле публикации чувашского фольклора наступает пауза, прерванная только посмертным изданием его материалов в Москве⁸.

В 1969 г. музыковед Ю. А. Илюхин выпустил сборник «620 песен и мелодий, записанных от Г. Федорова», также основанный главным образом на записях С. Максимова⁹. После этого не осуществлено ни одного значительного издания чувашских песен чисто фольклорного характера, хотя с тех пор минуло уже десять лет¹⁰.

Таким образом, для большинства читателей, в том числе композиторов и музыковедов, не участвующих в экспедициях и не обращающихся в архив ЧНИИ, единственным доступным источником остаются опубликованные записи 20—30—40-х гг. — «домагнитофонного» периода. Следует обратить внимание и на известную односторонность всех существующих сборников народных песен: подавляющее большинство из них — это песни верховых и средненизовых чувашей. Отдельного сборника низо-

⁵ Мошков В. А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. I. Мелодии чувашских песен. — ИОАИЭ при Казанском ун-те, т. 11, вып. 1—4. Казань, 1893.

⁶ «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Симбирск, 1908; *Пазухин П.* Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним, ч. 2. Симбирск, 1912.

⁷ «Чаваш кёввисем», I пайё; «Чаваш кёввисем», II пайё. М., 1926; «Песни верховых чуваш». Чебоксары, 1932; «13 чувашских песен нового быта». М., 1934. Здесь же следует назвать коллективный труд «146 песен, записанных от Гаврила Федорова С. Максимовым, Ф. Павловым, В. Воробьевым и Т. Парамоновым». Со вст. ст. С. М. Максимова. Чебоксары—Москва, 1934.

⁸ Максимов С. М. Чувашские народные песни. Ред. В. Беляев. М., 1964. Сборник лишен комментариев и справочного аппарата.

⁹ «Чувашские народные песни. 620 песен и мелодий, записанных от Гаврила Федорова». Чебоксары, 1969.

¹⁰ В эти годы вышел только один маленький сборник песен, записанных от И. Г. Вдовиной (Чебоксары, 1970), а также второй том собрания сочинений Ф. П. Павлова, где наряду с оригинальными сочинениями опубликованы и его фольклорные записи.

вых песен до сих пор не существует. В исправлении сложившегося положения видится первойшая задача планирования изданий на нынешнем этапе.

Из этого вытекает, что в издании собираемых материалов третий этап наступает со значительным опозданием. О его начале стало возможным говорить лишь после выхода в свет сборника «Chuvash folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki» (Budapest, 1979), основанного на магнитофонных записях венгерских фольклористов Л. Викара и Г. Беречки. По плану Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР в 1978 г. подготовлена рукопись первого сборника песен низовых чувашей (в настоящее время находится в печати). Упомянутые издания, конечно, не решат всех накопившихся вопросов в деле издания произведений устного музыкального творчества. Но они уже отвечают на некоторые из вопросов, отражая достоинства современных магнитофонных записей, поднимая целину низовой музыкальной культуры. Кроме того, сборник песен низовых чувашей должен стать первым шагом на пути создания антологии традиционной музыки чувашей разных этнографических групп с указанием зафиксированных фольклористами мелодических вариантов и зон распространенности той или иной мелодии.

Второе реальное и перспективное направление издательской фольклорной работы в Чувашии предопределено деятельностью народных певцов-собираателей. Выдающимся и наиболее известным представителем этих энтузиастов был Г. Ф. Федоров, песни из репертуара которого издавались дважды (1934, 1969). В настоящее время ждут публикаций большие коллекции народных песен, собранные И. Вдовиной, Я. Задоровым, Ф. Вуколовым. Издание этих коллекций будет продолжать линию, намеченную сборниками песен, записанных от Г. Федорова. В будущем, возможно, мы будем иметь целую серию сборников под названием «Чувашские народные песни, записанные от ...». Еще один долг чувашских фольклористов — издание сборника песен, собранных композитором В. П. Воробьевым. Таковы основные задачи в направлении издания собираемых материалов.

* * *

Переходя к обзору теоретической работы чувашских этномузыковедов, хочется предварительно напомнить слова выдающегося советского ученого В. Я. Проппа о научном методе в теории народного творчества. Он писал: «Я считаю, что в фольклористике метод может быть только индуктивным, т. е. от изучения материала к выводам. Этот метод утвердился в точных науках и в лингвистике, но он не был господствующим в науке о народном творчестве. Здесь преобладала дедукция, т. е. путь

от общей теории или гипотезы к фактам, которые рассматривались с точки зрения предустановленных постулатов»¹¹. При такой постановке вопроса ясно, что на дореволюционном «этнографическом» этапе большие теоретические обобщения были просто невозможны: слишком ограниченным был сам собранный материал. Верность сказанного подтверждает, например, наиболее значительный труд дореволюционного времени о чувашской музыке, принадлежащий В. А. Мошкову. На основании анализа 74 мелодий он пытался обосновать предположение, что чувашская музыка находится в стадии перерастания ангемитоники в семиступенную диатонику; в качестве доказательства приводят-ся песни, сочетающие различные ангемитонные звукоряды, в частности, верховые мелодии с транспозицией. Не зная реальных масштабов и природы явления транспозиции, Мошков наивно связывает такие песни с влиянием русской музыки. Вместе с тем Мошкову удалось сделать ряд верных и ценных наблюдений, особенно в области ритмики чувашских песен. Заслуживают внимания также его описание чувашских гуслей и этнографические подробности о музыкальном быте.

На следующем («композиторском») этапе база для теоретического анализа значительно расширилась. В 20-е гг. Ф. П. Павлов в своих статьях и очерках пытается создать теорию чувашской музыки; ему принадлежит много интересных мыслей, повторенных впоследствии другими исследователями. Крупным специалистом по чувашской народной музыке в 20-е и 30-е гг. становится С. М. Максимов. Его статьи, помещенные в сборниках 1934 и 1964 гг., полны оригинальных и метких наблюдений. Основываясь на большом количестве материала, С. М. Максимов в области ладо-интонационной и ритмической структуры чувашских мелодий сумел сделать обобщения, многие из которых не утратили своей научной актуальности и поныне.

В 50-е гг. о чувашской народной музыке писал проф. В. М. Беляев. Он опирался на сборники В. Мошкова и С. Максимова и рукописи Г. Лискова. Статьи В. М. Беляева остались неизданными. Идеи, высказанные С. М. Максимовым и В. М. Беляевым в 50—60-е гг., нашли свое отражение и развитие в книге Ю. А. Илюхина¹². Ему удалось также, идя по следам Ф. П. Павлова, обобщить сведения из большого числа источников этнографического характера. Таким образом, труда-

¹¹ *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность.— Избр. статьи. М., 1976, с. 128. Далее сказано еще сильнее: «При наличии предвзятой гипотезы получается не научное доказательство, а подгонка материала под заранее составленные тезисы. На этом построены очень многие работы фольклористов». Эта мысль перекликается со знаменитыми словами В. Ф. Одоевского о том, что к народным песням «надлежит приступать с девственным чувством, без заранее предпосланной теории, не мудрствуя лукаво...»

¹² *Илюхин Ю. А.* Музыкальная культура Чувашии, вып. I. Чувашская народная музыка. Чебоксары, 1961.

ми Ю. А. Илюхина подытожился и завершился второй этап развития чувашского теоретического этномузыковедения. Особенностью этого этапа было, во-первых, ограничение исследований рамками культуры одного народа (чувашского). Те или иные параллели с другими национальными культурами не были объектом исследования, встречаются лишь разрозненные замечания по этому поводу. Во-вторых, все исследование данного периода имели широкоохватный характер. По отдельным конкретным вопросам ладообразования, ритмики, музыкальных диалектов, песенного стихосложения исследовательская работа не проводилась. (Так же обстояли дела и в других республиках, что, в частности, дало повод К. В. Квитке с сожалением констатировать, что до 40-х гг. «в советских... музыковедческих трудах не было специальных глав или значительных абзацев, содержащих новые сведения по вопросу о пентатонике у народов СССР»¹³. Это остается верным и на сегодняшний день, в частности, по вопросу о чувашской ангемитонной пентатонике.)

На современном (третьем) этапе имеются весьма благоприятные условия для развития исследовательской работы. Накоплен и стал более доступным обильный материал, в том числе «магнитофонный» — особенно ценный для изучения объективных свойств музыкальной системы. Он станет еще доступнее после осуществления запланированных публикаций. Этот материал в своей совокупности позволяет говорить о всей чувашской музыке как о чем-то целом, без опасения оставить за гранью нашего знания значительные явления, способные существенно изменить картину этого целого. С другой стороны, он составляет достаточную базу для углубленной разработки отдельных частных вопросов теории чувашской музыки. Наступает момент, когда появляется потребность выйти за пределы «изолированного» исследования одной чувашской культуры, в отрыве от других культур. Ее явления нуждаются в рассмотрении в широком контексте. Прежде всего это общетюркские явления и музыкальные связи с отдельными тюркоязычными народами. Почти столь же важно для выяснения генетических корней чувашской музыки изучение взаимодействий чувашской культуры с соседними финноугорскими, а также со славянскими.

Чувашская народная музыка имеет самобытную и устоявшуюся систему образов и форм. Исследование этой системы может обогатить представления теоретиков о фундаментальных закономерностях музыкального мышления. Другими словами, в соответствии с вышеприведенным рассуждением В. Я. Проппа, не постулаты общей теории сформируют выводы исследователей, а сама эта теория должна развиваться, обогащаемая новыми фактами и обобщениями.

¹³ Квитка К. В. Избранные труды в 2-х т., т. 2. М., 1973, с. 50.

Теоретическое осознание закономерностей чувашской музыкальной речи в конечном счете должно отразиться и на развитии профессиональной музыкальной культуры, на творчестве чувашских композиторов. Особенно это актуально сейчас, когда «цитатный» метод использования народных мелодий отступает на второй план и от композитора требуется понимание и ощущение глубинных основ национальной культуры. Жизнь показывает, что наиболее яркие художественные «открытия» в чувашской музыке последних лет связаны с творческим переосмыслением фольклора. Назовем здесь цикл хоров «Слакбашские песни» Ф. Васильева, а также ряд номеров новой программы Чувашского государственного ансамбля песни и танца. Новые знания, добываемые теоретиками, в какой-то мере могут служить стимулом для композиторов в их поисках новых современных выразительных средств. Например, уже в 70-е гг. в области ладообразования и ритмики стали известны некоторые свойства чувашской песни, органически ей присущие, но не использованные композиторами. В конечном счете изыскания теоретиков-фольклористов, венчающие громадный труд собирателей, вновь должны слиться с музыкальной практикой.

